

Лейкин Николай Александрович

Медные лбы

Картинки с натуры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Медные лбы: Картинки с натуры / Лейкин Николай Александрович – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 287 с.

ISBN 978-5-519-92922-6

ISBN 978-5-519-92922-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НА МОЛЕБЕНЬ.

ПЕРЕПЛЕТЧИКЪ Никаноръ Стахичъ Чапуровъ перевелъ свою мастерскую на новоселье, вслѣдствіе чего звалъ гостей на молебень съ водосвятиемъ и на пирогъ съ сигомъ. Мастеровые тоже были приглашены къ торжеству. Мальчишкамъ-ученикамъ были выданы подонки деревяннаго масла изъ трехъ лампадокъ съ приказаніемъ примазать вихры для благообразія. Очищенные отъ грязи лампадки были вымыты и затеплены на новомъ маслѣ. Образа въ серебряныхъ окладахъ вычищены мѣломъ и передъ однимъ изъ нихъ былъ поставленъ столъ съ миской, наполненной водой. Въ назначенный часъ собирались гости, принося на новоселье хлѣбъ-соль въ видѣ кренделей и сладкихъ пироговъ, и ждали священника.

— Пожалуйте принять пирожокъ изъ глубины нашего сердца, говорилъ одинъ гость.—Черственькій, но зато персонъ на двадцать хватить. Свѣжіе-то пироги за рубль булочникъ давалъ не больше куриного носа; а этотъ покрайности хоть видъ настоящій имѣеть, взглянуть есть на что.

— Ахъ, Господи! Да что это вы, право, безпокойтесь, жеманилась хозяйка.—Зачѣмъ такой изъянь...

— Что за изъянь! Мы на ту-же цѣну у васъ сами стараемся брюхомъ вынести.

— Что вы, помилуйте! У насъ всего и закуски-то пирогъ съ сигомъ да языкъ съ тертымъ картофелемъ. Ну, конечно, селедка и колбаса... А вы всегда такъ церемонитесь...

— Сегодня ужъ безъ церемоніи. Вы говорите: на рубль не съѣдимъ. Какъ не съѣсть! Вѣдь насъ тоже трое: я, жена, да сынишка. Вы не смотрите, что онъ маленькій. Дѣти-то еще больше ѣдятъ. Возьмемъ языкъ съ картофелемъ... Шутка-ли по нынѣшнему времени картофель! Вѣдь онъ рубль четверикъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ долженъ-бы быть три гривенника.

— Охъ, ужъ и не говорите! Вѣрите-ли: мастеровыхъ не знаешь чѣмъ и кормить при такой дороговизнѣ. Генераламъ только и ѣсть нонѣшній-то картофель. Заладили мы на прошлой недѣлѣ треску и овсяный да гороховый кисель... Квартиру провоняли, а какой толкъ? Только животъ пучить. У насъ тоже публика ходитъ и благородные давальцы, такъ ругаются.

— А вы печонку да свиныя почки попробуйте въ щажъ-то варить. Дешевле солонины. Я вонъ у себя на извозничьемъ дворѣ въ лучшемъ видѣ артель кормлю. И сала въ волю и наваръ есть.

Полюбезничавъ съ хозяйкой насчетъ дороговизны, гость сѣлъ.

— Отлично, отлично, говорилъ онъ хозяину. — Квартира совсѣмъ барская. Только аристократамъ и жить. Одно вотъ, что русской печи нѣтъ въ кухнѣ; ну, и лежанку въ чистой горницѣ слѣдовало-бы. Я заглянулъ къ вамъ на нары—просто хоть танцуй. Да вотъ что: велите-ка тамъ стѣны-то сѣрымъ мыломъ натереть. Нужды нѣтъ, что онѣ вновь выкрашены. При мылѣ-то нечисть не такъ скоро заводится.

— А спальню нашу видѣлъ? спросилъ хозяинъ. — Такъ шкапами отгородили, что и не замѣтишь. Спереди какъ-бы кабинетъ вышелъ, а за шкапы какую хочешь дрянъ вали. Три во-за спрятать можно. Удобства много.

— Ну, желаю жить-поживать да деньги наживать. Можно поздравить съ новосельемъ-то?

Гость умильно взглянулъ на столъ съ закуской.

— Погоди, дай протоіерею-то благословить, остановилъ его хозяинъ. Безъ благословенія какъ-то неловко. Черезъ это, говорятъ, у хозяевъ деньги не будутъ водиться. Да гдѣ-жъ это онъ запропастился? Сказалъ, что къ часу будетъ, а теперь скоро два.

— Это ты протопопа-то? А сегодня купца Раковина хоро-

нять. Такъ, пожалуй, на выносъ и на отпѣваньи. Ну, пригласили выпить закусить.

Вскорѣ явился священникъ и принесъ съ собой запахъ покойника ладона. Дьячекъ, откашливаясь басомъ, началъ раздувать кадило.

— Истинно, можно сказать, такъ и умереть пріятно, разсказывалъ, благославляя гостей, священникъ, все еще находящійся подъ впечатлѣніемъ богатыхъ похоронъ.—Гробъ золотого глазета, такого сорта, что глазеть коломъ стоитъ, покровъ кованой парчи. Ужъ и постарался-же гробовщикъ Шумиловъ! Регалии на шести подушкахъ. Однихъ протоіереевъ шестеро... Архимандритъ впереди. Говорятъ, на второе блюдо живыхъ стерляди будутъ. Досадно только, что я очередной по приходу и нельзя мнѣ было на обѣдѣ остаться. Впрочемъ, зашелъ и передъ обѣденной закуской воспользовался. Восторгъ что такое! Сортавъ двадцать всякаго соленья и копченья.

— Богатые-то люди при такомъ обиліи духовенства—прямо въ рай...—замѣтилъ кто-то.

— Ну, тамъ каждому по дѣломъ его. Можно начинать? Признаться, я тороплюсь, потому у меня тутъ панихидка еще въ три часа по одной старушкѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, батюшка. Только васъ и ждали.

Начался молебенъ. Гости и мастеровые наполнили комнату. Мальчишки-ученики, пропахнувшіе деревяннымъ масломъ, усердно молились и поглядывали на закуску. Одинъ изъ нихъ, стоявшій ближе всѣхъ къ столу, украдкой взялъ съ тарелки кильку, и засунувъ ее себѣ въ ротъ, поклонился въ землю, на-скоро прожевывая кусокъ. Это не уклонилось отъ взгляда подмастерья. Онъ далъ ему подзатыльникъ. Мальчишка взвизгнулъ. Хозяинъ спросилъ въ чемъ дѣло, «прибавилъ на орѣхи», дернувъ за вихоръ, и запѣлъ, подтягивая священнику: «Правило вѣры и образъ кротости»... Гости тоже пѣли. Кончилось «многолѣтіемъ». Священникъ взялъ кропило и пошелъ окроплять домъ. Два мальчика понесли миску съ водой. Въ мастерской хозяинъ, указывая на учениковъ, сказалъ:

— Батюшка, нельзя-ли моимъ сорванцамъ легкое поученіе въ видѣ острастки, а то вѣрите-ли—удержу нѣтъ. Такое ба-ловство, что ужаси! Всѣ руки о затылки обломалъ. Авось, съ вашихъ словъ людьми будутъ.

Священникъ откашлялся.

— Отроки благочестивые! сказалъ онъ.—Въ сей новой рабчей храминѣ отдайтесь прилежанію къ поручаемымъ вамъ работамъ по мѣрѣ вашихъ силъ и способностей. Отриньте лѣнь—мать пороковъ и почитайте наставляющаго васъ на умъ-разумъ хозяина. Мните, что онъ печется о васъ, поить и кормить, а посему и воздайте ему сторицею.

— Нельзя-ли, батюшка, прибавить, чтобъ вотъ тоже ламповыхъ стеколъ меньше били, а то просто разореніе! Стекло-то въѣдъ двѣнадцать копѣекъ, вставилъ свое слово хозяинъ.

— Ну, ужъ это вы сами отъ себя... Мнѣ лишнее...

— А насчетъ воровства? На прошлой недѣлѣ вотъ эта шельма вдругъ кусокъ сафьяну...

— Къ дѣлу, говорю, не идетъ. Гдѣ трапезу готовите?

— А это въ кухню пожалуйте. Да я васъ попрошу и въ чуланъ капусту окропить. Опять-же тамъ у насъ бочки съ квасомъ.

Изъ кухни вернулись въ чистую комнату.

— Батюшка, теперь благословите закуску и покажите примѣръ,—подвелъ хозяинъ священника къ столу, но вдругъ замѣтилъ, что въ одной изъ приготовленныхъ селедокъ, по срединѣ, не хватаетъ нѣсколько кусковъ.—Ахъ, подлецы, ужъ разворошили-таки фасонъ! Вотъ, батюшка, вы говорите, насчетъ воровства—лишнее и къ дѣлу нейдетъ, а чьихъ это рукъ дѣло? Пока мы горницы-то кропили, здѣсь какой-то пострѣленокъ поль-селедки и отворотилъ. Вотъ извольте посмотрѣть: хвостъ да голова остались.

Священникъ благословилъ закуску, и придерживая лѣвой рукой правый рукавъ рясы, взялся за графинъ. Гости, предвкушая наслажденіе «пропустить въ себя по маленькой», стоя за нимъ, ждали очереди и облизывались.

— Сига копченаго рекомендую... Первый сортъ. Не сигъ—а максанъ!—продолжалъ хозяинъ.

— Съ новосельемъ! Дай Богъ всего хорошаго! Одно вотъ жалкое, что я на похоронахъ-то закусилъ.

— Катерина Никитишна, тащи пироги!

„ОШИБКИ МОЛОДОСТИ.“

ВРЕМЯ подъ вечеръ. Въ трактирѣ «Пекинъ», что близъ Апраксина двора, сидитъ компанія рыночниковъ и бражничаютъ. Столъ обильно уставленъ опорожненными графинчиками и пивными бутылками. На тарелкахъ видны объѣдки бутербродовъ. Лица присутствующихъ красны. Идетъ оживленная бесѣда о томъ, что «нонѣ времена не тѣ, покупатель больно дикъ сталъ и никакъ ты его не взнуздаешь».

— Жида его мысли дешевыми товарами разбили—вотъ онъ и мечется, какъ угорѣлый, да ищетъ алтыннаго за грошъ, доказываетъ кто-то. — Прежде хотъ съѣдобная часть въ однѣхъ нашихъ рукахъ была, а нонѣ жидъ и въ бакалею влѣзъ. Даже вонъ искусственное масло какое-то изъ жиру, да изъ сальныхъ огарковъ придумали и выдаютъ его за поддержанное, ну а покупателю было бы только дешево, да сердито.

Одинъ купецъ съ подстриженной бородой сидѣлъ молча и читалъ афиши, но вдругъ вскрикнулъ:

— Ребята, что черныхъ-то кобелей на-бѣло перемывать! Отъ жида ни крестомъ, ни пестомъ не отдѣлаетесь, значить и словесность эту надо бросить. Въ среду вотъ бенефисъ Струйской. Актриса очень чувствительная насчетъ игры. Сыпьте ка на ложу въ складчину, кто во что гораздъ. Шесть носовъ тутъ насъ въ сборѣ, вотъ всѣ въ литерную втораго яруса съ комнаткой и залѣземъ. А съ комнаткой чудесно. Можно провіанту

съ собой захватить, да въ антрактахъ и глотать по рюмочкѣ эту самую контрабанду. Запершись, такъ никто не увидитъ.

— А какая игра будетъ? слышался вопросъ.

— Ужъ кели у Струйской въ бенефисѣ, то само-собой чувствительная. Одною носового платка мало, припасай два. Старые актеры въ своихъ ошибкахъ молодости будутъ каяться.

— Врешь?

— Читай. Видишь: «Ошибки молодости», показалъ купецъ афишу и ткнулъ въ нее пальцемъ.

— Тсъ! покачалъ головой купецъ-борода клиномъ. — И въ самомъ дѣлѣ «Ошибки молодости». Поди-жь ты, до чего нонѣ актеръ ухищряется! Не плоше жида. Душу свою для заманки публики очищать хочетъ. Только вѣдь тутъ, поди, настоящей очистки не жди, а такъ только одинъ туманъ напустятъ.

— Въ смертныхъ-то грѣхахъ покаются, а у кого какое уголовное чувство есть, разумѣется, схоронятъ. Хоть и театральная игра, а все-таки зачѣмъ на рогатину лѣзть?

Въ афишу заглянулъ купецъ борода-лопатою и сказалъ:

— Ты говоришь старые актеры каяться будутъ, а тутъ вонъ и Петипа выставленъ.

— Такъ чтожь что Петипа! Этотъ хоть и изъ молодыхъ, да ранній. У него хоть и у молодого, а театральныхъ-то грѣховъ страсть сколько! Вотъ первый грѣхъ ужъ въ томъ состоятъ—сколько отъ него дурь на стѣну полѣзло. Зналъ я одну лабазницу, такъ та, насмотрѣвшись на него въ театрѣ, даже извращеніе мыслей получила. Все была Марья Тарасьева, а тутъ вдругъ приказала себя звать Петипа Тарасьева и шестнадцать евовныхъ портретовъ въ разныхъ видахъ у себя въ квартирѣ развѣсила. Вдсва она, мужа-то не было, такъ и обуздаты было не кому. Да, разъ что-же: даже на векселѣ хотѣла подписаться Петипой Тарасьевной. Хорошо, что деверь узналъ, ну и поучилъ маленько по родственному.

— И Нильскій будетъ въ «Ошибкахъ молодости» каяться?

— Будетъ. Онъ барона играетъ. Покаянная роля должна быть охъ какъ велика!

— Ну, а Бурдинъ?

— Этого въ афишѣ нѣтъ. Чудакъ человекъ, каяться надо все-таки стоя, а онъ при его безножии стоять не можетъ.

— Такъ что-жь, что стоять не можетъ? По немощамъ мож-

но не только что сидя, а и лежа. Пускай-бы его вынесли на носилкахъ. Его все-таки очень интересно было-бы послушать.

— Ну, ужъ на нѣтъ и суда нѣтъ. Вотъ Сазоновъ должно быть большое покаяніе произведетъ. Онъ будетъ какого-то Сарматова играть. Полонскій тоже свою душу выворотитъ.

— Въ чемъ Савина-то будетъ каяться?

— Найдется въ чемъ. Помнишь, у ней съ сочинителемъ Александровымъ междометіе на сценѣ вышло изъ-за того, чтобъ въ окошко прыгать? Вотъ въ междометіи и покается. Сама Струйская, я думаю, выйдетъ на сцену, да просто безъ дальнихъ разговоровъ и зальется слезами, благо на этотъ счетъ она мастерица. А ужъ тамъ публика догадывайся сама—въ чемъ грѣшила и объ чемъ плачетъ.

— А Зубовъ играетъ?

— Нѣтъ, видно побоялся свою душу передъ публикой очищать. И на разовые даже рукой махнулъ. Такъ что-же, ребята, сыпьте на ложу-то,—снова обратился купецъ съ подстриженной бородой. Мебельщикъ! раскошеливайся ты первый. По вашей торговлѣ теперь сѣнокосъ. Прожертвуй хоть рѣзбу съ зеркала.

— Обирай сайки съ квасомъ! Стулъ буковый гнутый жертвую! — откликнулся мебельщикъ. — Ужъ куда не пло! Ну, а вы, господинъ фруктовщикъ, чѣмъ насъ обрадуете?

— Полтора четверика брусники съ нашего рыла получайте,—далъ отвѣтъ фруктовщикъ.

— Что ты за святой? Брусника-то нонѣ почему? Дешевле пареной рѣпы, а на ложу съ угощеніемъ все надо пятнадцать рублей собрать. Прибавь хоть двѣ пары арбузовъ. Стыдись эквализничать.

— Жирно будетъ. Ну, да ладно, банку килекъ жертвую.

— Прекрасно, такъ и запишемъ. Ну, а вы, «продажа волоса, пуху, полупуху и щетины купца Затыканьева», что жертвуете?

— Четыре фунта обойнаго волоса.

— Прибавь что-нибудь, вѣдь эдакъ не соберешь.

— Нельзя, нонѣ волосъ въ цѣнѣ. Да ты посмотри какой у меня волосъ-то! Я посмотрю вотъ, чѣмъ ты самъ насъ обрадоваешь.

— Я? Я на театральное удовольствіе всегда готовъ,—отвѣ-

чалъ купецъ подстриженная борода.—Цѣненъ нашъ сапожный товаръ, ну, да ужъ гдѣ напе не пропадало, получайте калошникирятской работы. Теперь за вами остановка, ваше степенство,—обратился онъ къ усатому краснолицему купцу.

Тотъ почесалъ затылокъ.

— Товаръ-то нашъ такой...—сказалъ онъ. — Не знаю ужъ какую цѣнность тебѣ и пожертвовать. Ну, да ладно, считайте пять фунтовъ желѣзныхъ заклепокъ, да пудъ вохры. Пожалуй, небольшую малярную кисть прибавлю.

— И это доброму вору въ пору. Краснорядецъ, ты послѣдній, вершай дѣло!

— Торгуемъ плохо, — отвѣчалъ краснорядецъ. — Видно за грѣхи... Въ своихъ грѣхахъ надо каяться, а не на чужое покаянiе смотрѣть. Одно, ужъ только, чтобъ отъ людей не отставать. Пятнадцать аршинъ рубашечнаго ситцу, такъ и быть, бери!

— Ну, вотъ и всѣ. Вносите, господа, соотвѣтствующія деньги. Сейчасъ мальчишку за ложей пошлемъ.

Купцы взялись за бумажники. Въ отдаленіи сидѣлъ еще купецъ и прислушивался.

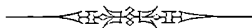
— Допустите въ компанію освѣтительный матеріалъ,—обратился онъ къ компаніи.—Госпожѣ Струйской поль-пуда керосину прожертвовалъ-бы.

— Нѣтъ, ужъ тѣсно будетъ. Насъ и то шестеро,—отвѣчалъ сборщикъ.—Придется вамъ кресло взять.

— Кресло! Кресло-то и десяти фунтами стеариновыхъ свѣчъ не угнешь. Коли ежели мы незнакомы, то позвольте рекомендоваться. У меня вотъ тутъ свѣчная лавка.

— Ребята, да что-жъ тутъ! Примемъ его. Ей-ей, и въ семеромъ въ литерной-то ложѣ будетъ не тѣсно, — предложилъ кто-то, и предложеніе было принято.

— Теперь, господа, бенефисъ Струйской спрыскивать!—воскликнулъ сборщикъ.—На то она и Струйская, чтобъ намъ въ себя струю пустить! Мальчикъ! Тащи сюда средственный графинчикъ гореуслугу бѣлаго!

ВО ФРАНЦУЗСКОМЪ СПЕКТАКЛѢ.

СУВОТНІЙ спектакль. Партеръ, бенуары и бель-этажъ Михайловскаго театра заняты высшимъ обществомъ. Изрѣдка попадаетъ французъ-перчаточникъ или семейство разбогатѣвшаго французскаго ресторатора. Въ креслахъ обращаютъ на себя вниманіе нарядно-одѣтая дама внушительныхъ размѣровъ и ея мужъ, кругленькій лысый человѣчекъ. Они спорятъ. Дама ѣстъ его поѣдомъ. Онъ пробуетъ защищаться.

— Нечего сказать, ужъ и выбралъ пьесу! говорить дама. — Есть на что портнихѣ посмотреть! Пришли наблюденіе надъ модными женскими нарядами актрисъ дѣлать, а онѣ въ какихъ-то отрепьяхъ играютъ.

— Но, душечка, пойми ты, что здѣсь актрисы бѣдный классъ изображаютъ, на манеръ какъ-бы наши чиновницы-цикорницы съ Петербургской стороны, такъ какъ же онѣ могутъ такую симфонію, чтобъ въ роскошныхъ платьяхъ?.. Совѣмъ не та модель. Слышишь, онѣ только и говорятъ: «кафе», «кафе». Люди переварками кофейными питаются, а ты хочешь, чтобъ они въ нарядахъ по послѣдней модѣ... робко отвѣчаетъ мужъ.

— Да вѣдь я вамъ толкомъ сказала, что мнѣ аристократическую пьесу надо или, къ примѣру, гдѣ кокетки во всѣхъ своихъ нарядахъ дѣйствуютъ, а вы меня на кофейныя переварки привезли. Какой я здѣсь фасонъ съ ихъ платьишекъ сниму! Французскаго языка не знаемъ — сиди и глазами хлопай. Великъ интересъ.

— Дѣйствительно зѣвота одолѣваетъ, но чтожъ дѣлать, надо потерпѣть. Суди сама: развѣ можно по афишѣ узнать: въ послѣднихъ парижскихъ фасонахъ будетъ игра или въ нищен-

скомъ видѣ? Вотъ ежелибы я читаль по-французски, то дѣло иное, а то вся моя французская грамматика состоитъ изъ двухъ словесностей, которыя у тебя на портнихинской вывѣскѣ написаны: «модесь е робесь». Эти два слова, дѣйствительно, я могу французскими буквами прочесть и понимаю, что они обозначаютъ.

— Но все таки вы знаете, что значить «мусье» и «мадамъ или «мамзель». Это выставляется на афишѣ, какъ же вы берете билетъ на такую пьесу, гдѣ супротивъ актерскихъ фамилій только «мусье» стоитъ. Сажу и вижу передъ собой только фраки и сертуки. Вотъ ежелибы я была мужской портной, а то вы сами знаете, что у меня дамская мастерская. Ни жилетокъ, ни брюкъ дамы не заказываютъ. Часъ сидимъ и только двѣ актрисы на сцену.

— Ну, проглядѣлъ, ну, прости, ну, чтожъ дѣлать...

— Однако, три-шесть-гривенъ мы за кресла-то отдали ни пито, ни ѣдено. Лучше бы я на эти деньги ногу телятины себѣ купила.

— Мамочка, и на старуху бываетъ проруха.

— Такъ вѣдь то на старуху, а ты старый дуракъ!

— Но, мой ангелъ, не пѣтушись. Ежели тебѣ такъ денегъ жалко, то я кресла на свой счетъ приму.

— Скажите, какой богачъ выискался! Да и откуда это у васъ деньги завелись, коли вы на труды мои праведные питаетесь?

— Какъ на твои труды? Все-таки, я частный повѣренный, адвокатъ.

— Два гроша стоитъ ваше адвокатство! Держи карманъ, много ты наковыряешь, горничнымъ да лакеямъ на своихъ господъ кляузы писавши. Кого ты изъ путныхъ людей защищаль у мирового? Ну-ко, скажи?

— А маіора-то того, что извозчика побилъ...

— Нечего сказать, хороша зароботка! Ты его отъ тюрьмы защитилъ, а онъ тебя два раза до зеленого змѣя коньякомъ наѣзаль да лягаваго щенка подарилъ.

— Но вѣдь лягавый щенокъ десять рублей стоитъ.

— Молчать! Какой ты адвокатъ! Портнихинъ мужъ вы и больше ничего.

— Мерси. Вотъ такъ одолжила!